

УДК 343.9

DOI: 10.34670/AR.2021.44.53.029

Преступность: причина, сущность, провоцирующие факторы**Митрофанов Андрей Павлович**

Аспирант кафедры уголовного права и криминологии,
Алтайский государственный университет,
656049, Российская Федерация, Барнаул, просп. Ленина, 61;
e-mail: apm.73@yandex.ru

Аннотация

В статье в порядке междисциплинарного подхода исследуются основные понятия традиционной криминологии. Ложность общепринятых терминов «преступность» и «причины преступности» подтверждается с помощью других наук: философии, социологии, биологии, антропологии, истории. Используются результаты полевых криминологических исследований, проведенных автором. Сравниваются начальные положения криминологии и соответствующие общественные отношения в реальной жизни. Выявляются противоречия между теорией и практикой, а также анализируются причины указанных противоречий. Делается вывод о несоответствии между криминологическими воззрениями, которые заимствованы из эпохи СССР, и реальными общественными отношениями. Уточняются понятия, используемые наукой о преступности. Называются криминогенные факторы, неизвестные криминологам.

Для цитирования в научных исследованиях

Митрофанов А.П. Преступность: причина, сущность, провоцирующие факторы // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 9А. С. 231-243. DOI: 10.34670/AR.2021.44.53.029

Ключевые слова

Преступность, уголовная политика, правосудие, судопроизводство, уголовная идеология.

Введение

Кризис криминологии, которая фактически сведена к социологии преступности, подтверждается ошибочностью фундаментальных понятий. Легальное (см. Указ Президента РФ от 24 мая 1994 г. № 1016) и доктринальное [Клейменов, 2021, 42; Кудрявцев, 2021, 10; Лунеев, 2020, т. 1, кн. 2, 6] определения преступности ошибочны (здесь и далее по тексту речь идет о традиционной криминологии, о советской и постсоветской России). «Начало – половина всякого дела, ничтожная начальная ошибка приводит к ошибкам во всем дальнейшем» [Аристотель, 2020, 349]. Заблуждаясь в начальном положении («преступность»), наука совершает ошибки в других терминах («причины преступности», «личность преступника»). Порочность положений криминологии обнаруживается, если исследователь начинает изучение *фактической* реальности. Автор непрерывно проводит полевые криминологические исследования (опрос, наблюдение, эксперимент), изучая *служебный подлог, совершаемый судьями при рассмотрении дел*¹. Указанная разновидность служебного подлога в рамках классификации по признакам субъекта и выполняемой функции получила название *судейский служебный подлог* (далее – ССП). Результаты исследований позволяют утверждать, что судьи ежегодно совершают более 100 тысяч служебных подлогов, причем чаще всего фальсифицируются *протоколы судебных заседаний* (далее – ПСЗ). Значительное количество и повсеместность судебных преступлений заставляют говорить о существовании феномена, который мыслится как *судейская преступность*, точнее – *профессиональная преступность судей* (далее по тексту термины будут использоваться в качестве синонимов, СПР или ППС соответственно). Названная форма криминальности имеет уникальные отличия, которые указывают на необходимость дифференцированного изучения [Клейменов, 2021, 389].

В этом месте необходимо нарушить ход наших мыслей, поскольку нужно сделать отступление (точнее – восхождение) от частного к общему. Нет сомнений, что объем понятия «ППС» полностью входит в объем понятия «преступность», аналогично соотносятся «причины СПР» и «причины преступности». Если правильно понимается суть «преступности» и «причин преступности», тогда легко уясняется сущность «ППС» и «причин ППС». Проблема заключается в том, что два основных понятия криминологии («преступность» и «причины преступности») являются заблуждениями, что было установлено в ходе изучения СПР. Следовательно, необходимо сначала установить истину в общих понятиях и только после этого допустимо вернуться к рассмотрению частного случая, т. е. исследовать особенности ППС. «Все уже давным-давно придумано, но не находит применения» [Аристотель, 2020, 189] в криминологии. Наука в XXI в. безуспешно пытается решать вопросы, ответы на которые были известны в *западноевропейской философии XVIII в.* В СССР запрещалось применять *буржуазную философию* в криминологии по идеологическим причинам. Традиция сохранилась в РФ, однако нарушается в настоящей работе.

Понятие преступности (легальное и доктринальное) не прошло проверку временем, не выдержало тест на осмеяние (А. Shaftesbury) [Кант, 1999, 571]. Порочный термин возник в 1960-е гг., когда криминология не могла иметь научного характера, поскольку учебники и данные о преступлениях были засекречены. Наука подчинялась идеологии, которая игнорировала истину

¹ См.: Митрофанов А.П. Служебный подлог, совершаемый российскими судьями // Право и практика. 2020. № 4. С. 159-164.

и приказывала логике: «Прислуживай!» [Бекариа, 1995, 226]. Зависимость криминологии от политики (цензура) сохраняется до настоящего времени, но еще хуже *многолетняя традиция заблуждений*. Мы понимаем преступность как *явление, порождаемое обществом*, при этом на второй план уходит *преступник – самый главный (иногда единственный) элемент преступности*. Нужно признать неудачным ключевое слово «явление», которое формирует иллюзию, что криминальность является исправимым, непостоянным злом. Указание в термине на совокупность преступлений непродуктивно, поскольку *фактически* изучаются только преступления, *зарегистрированные в отчетном году*. Дело не столько в выборочной регистрации (латентности), сколько в том, что понятие «криминальность» ограничено *формальным* перечнем нарушений УК РФ. Например, распространенное в РФ самоубийство является одним из наиболее тяжких преступлений (с точки зрения сущности), однако не входит в понятие «преступность», ибо отсутствует в уголовном законе. Кроме того, законодатель иногда вносит в УК РФ деликты, которые *фактически* лишены общественной опасности. Такие нормы нелогично попадают в понятие «преступность», которое является противоречивым, сугубо формальным, не отражает сущности феномена, не объясняет системности (взаимосвязи) всех без исключения преступлений. Изменяя термин, который сформулировал Д.А. Шестаков², определим, что преступность – это *закономерное свойство (предрасположенность) каждого взрослого человека совершать преступные деяния (в том числе латентные)*.

Основная часть

Природа преступности заключается только в преступной природе каждого человека, поэтому преступность не исчезнет даже в идеальном обществе, при отсутствии общественных (объективных) противоречий. Этот постулат был запрещен в эпоху СССР, когда предполагалось, что при коммунизме преступность исчезнет. Истинная природа криминала становится понятной, если прочитать работы, которые написали Р. Иеринг (Rudolf von Jhering), И. Кант (Immanuel Kant), И. Лесли (Ian Leslie), Б. Мандевиль (Bernard de Mandeville). Выводы указанных авторов будут использованы для подтверждения *криминологической презумпции уголовной виновности каждого человека*. Преступность – это нормальное (естественное, врожденное) состояние людей. Каждый взрослый человек регулярно совершает *сущностное* преступление – обман [Лесли, 2012, 11], ибо «всякий человек лжив» [Библия, 2020, 1373]. Здесь и далее по тексту под терминами «обман» и «ложь» понимается совокупность самообмана и обмана других людей. Преступную, т. е. крайне безнравственную природу человека – самого вредного и злого существа в мире [Мандевиль, 1974, 193], заметили в древности: в Библии написано, что все без исключения люди безнравственны [Библия, 2020, 1235, 1373; Кант, 1999, 498]. Библейский потоп уничтожил всех аморальных индивидов, однако потомки избранных Богом (нравственно безупречных) людей вернулись к преступной жизни. Испорченность человеческой природы, врожденное стремление всех людей к безнравственности (при полном отсутствии склонности к морали) общеизвестны [Кант, 1999, 8, 10, 179, 490, 491, 495, 793, 865; Мандевиль, 1974, 258]. Христианская религия насаждалась в течение веков при помощи массовых убийств [Кант, 1999, 736; Кудрявцев, 2021, 64], однако «понятия о нравственности

² См.: Шестаков Д.А. От понятия преступности к криминологии закона // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 131-142.

при малейшем дуновении улетучиваются из человеческой души» [Бекариа, 1995, 213]. Указанные факты доказывают порочность всего человеческого рода. Особо отметим, что российский народ (в подавляющем большинстве) никогда не поддерживал религию (*от lat. religio – совестьливость*), но занимался лицемерием. Это доказывается пассивностью русских людей в 1920-е гг., когда разрушали здания церквей и убивали священников. Мораль неизбежно ведет к религии [Кант, 1999, 466], следовательно, игнорирование религии означает склонность большинства россиян к безнравственности.

Безнравственность (преступность) людей можно объяснить в рамках материализма. Криминологи ошибочно игнорируют *врожденную ничтожность (несовершенство) человека как животного* [Там же, 829]. Как точно подметил А. Галлер (Albrecht von Haller), человек – это полуангел и полускот одновременно [Там же, 859], т. е. люди от рождения неполноценны, в них одновременно не хватает звериных и нравственных качеств. Мы уступаем всем прочим млекопитающим во всех биологических способностях (кроме рассудка); в отличие от других животных *наше тело очень плохо приспособлено к жизни на Земле*. Человек не желает, но вынужден жить в обществе, так как в рамках небольших групп мы не способны конкурировать с другими существами. Одновременно следует отметить *врожденную нравственную ничтожность (моральное несовершенство) человека*. Моральная порочность имеет естественный характер для всех людей («дурное заложено в каждом человеке») [Аристотель, 2020, 404] и подтверждается склонностью каждого человека к обману (себя и других). Напротив, *нравственность не имеет врожденного характера* и усваивается человеком тяжело, при помощи насилия, поскольку *моральность противоречит сущности людей* [Библия, 2020, 1377].

Абсолютно все качества человеческого рода являются аморальными; они не улучшаются на протяжении всей истории человечества [Кудрявцев, 2021, 201-201; Мандевиль, 1974, 25, 48, 211]. Человеческие пороки, на которые указывали в XVIII в. [Кант, 1999, 812, 822, 864, 856], только усилились триста лет спустя. Назовем наиболее опасные черты людей: ложь, высокомерие, злословие, жестокость, трусость, зависть, неблагодарность, злорадство, жадность, раболепие. Ранее известные пороки дополняются новыми негативными качествами (например, человек в XXI в. перестал стремиться к продолжению своего рода). *Люди уступают всем млекопитающим в аспекте нравственности*: мы не только являемся чемпионами планеты по лживости, но имеем аморальные качества, которые отсутствуют у других зверей, например, *только человек желает делать зло в ответ на добро* [Там же, 492, 857]. Кроме того, многие люди стремятся к самоубийству, противоестественному сексу, обжорству. Каждый мнит себя центром Вселенной [Бекариа, 1995, 70], самый ничтожный считает себя величайшей драгоценностью [Мандевиль, 1974, 73], поэтому человек не приспособлен к жизни и общению в обществе [Кант, 1999, 871]. Каждый из нас является прирожденным неисправимым эгоистом [Мандевиль, 1974, 37, 65, 310, 311], который желает жить в пределах своей семьи, но биологически слишком слаб для этого.

Следовательно, общество – вынужденная и противоестественная для человека форма существования, но еще важнее другое: *нравственность – высшая степень эгоизма, это эгоизм общества* [Иеринг, 1896]. Каждый человек ищет и получает личную выгоду от жизни в обществе: если *личная заинтересованность* (см. ст. 292 УК РФ) вдруг исчезнет, то социум разрушится. Только общество нуждается в нравственности и добивается ее разными способами, в том числе насилием. Напротив, никто из людей не имеет врожденного интереса к своей моральности, так как мы изначально являемся безнравственными существами. Человек желает,

чтобы все прочие люди были нравственными, но для себя каждый хочет сделать исключение из общего правила. Более того, нравственные пороки и чувства (аффекты) человека обеспечивают успехи цивилизации [Мандевиль, 1974, 39, 329, 330]. Возникает парадокс: общество для своего самосохранения требует от своих членов отказаться от своей преступной (безнравственной) сущности. Такой отказ может быть только частичным, поскольку приведет к деградации общества (объективная причина) и противоречит аморальной сущности людей (субъективная причина). Преступность нужно рассматривать как сильнодействующее лекарство: мизерные дозы преступности полезны и необходимы для общества, но увеличение дозировки очень опасно.

Преступная природа каждого человека заключается только в склонности к обману, следовательно, природа преступности и любых преступлений заключена только в обмане, без которого невозможна жизнь человека. Ложь (частный случай обмана) мыслится как преднамеренное введение в заблуждение других людей при помощи слов. Наказуема не всякая ложь, но лишь некоторые виды *правовой лжи, т. е. умышленной неправды, причиняющей вред* (см., например, ст. 292 УК РФ). Несмотря на отсутствие ответственности за большинство видов лжи, преступную природу человека определяет вся ложь целиком (главным элементом криминальности является самообман) [Там же, 163]. Ложь – это преступление (в криминологическом смысле), которое регулярно совершают абсолютно все взрослые люди [Лесли, 2012, 210]. Ложь является основой любых криминальных деяний, однако здесь необходимы уточнения. Во-первых, нравственный человек может совершить деяние, которое формально запрещено законом, но не является криминальным по существу (например, индивид разделяет взгляды экстремистов). Во-вторых, в обществе имеется *мизерное количество взрослых людей, которые не способны к обману и самообману (это отклонение психики от нормы)*. Такие субъекты всегда имеют психические заболевания, но нередко являются вменяемыми. Указанные ситуации крайне редко встречаются в реальности, поэтому их допустимо игнорировать.

Самое главное зло в мире – это ложь, которой заражен весь мир [Мандевиль, 1974, 129]; неслучайно в Библии самым опасным преступлением признается не убийство, но ложь (как причина любого зла) [Кант, 1999, 825]. Почему же убийство запрещено законом, а ложь чаще всего разрешена? Причина заключена в том, что ложь жизненно необходима не только для индивида, но и для общества. Лицемерие – средство самосохранения и выживания: в эпоху СССР честное высказывание о порочности советской власти неизбежно приводило к уголовной ответственности или принудительному лечению у психиатра. Обман – основа эволюции животных и человека, поэтому человек обманывает себя и других с момента рождения [Лесли, 2012, 22, 35, 158]. Ложь широко применяется государством не только в политике. *Оперативно-розыскная деятельность – пример обмана, совершаемого государством* в уголовном процессе. Правило о недопустимости лжи не имеет исключений и вытекает из категорического императива И. Канта: «Поступай только так, чтобы твоя максима поступка могла стать моральным законом для всех людей» [Кант, 1999, 196, 590]. Основание императива мыслится в том, что каждый человек всегда должен быть целью (не только средством), однако лжец использует другого человека лишь как средство [Там же, 206, 207, 786]. Следовательно, человек не должен лгать даже тогда, когда ложь не причинит вред обманутому [Там же, 220, 882].

Наука и практика безуспешно пытаются найти *равенство среди людей* – хотя бы внутри отдельной социальной группы (сословное равенство) [Аристотель, 2020, 251]. Фактически существует равенство абсолютно всех людей – оно заключается в лживости индивидов. Слова

Аристотеля «все по своей природе равны» [Там же, 179] следует дополнить следующим образом: «все по своей *лживой* природе равны». Убийство не приносит обществу никакой пользы, напротив, *ложь приносит для общества не только вред, но и пользу* [Мандевиль, 1974, 14]. «Благо общества – высший закон» [Кант, 1999, 544], поэтому разрешены многие виды лжи (опасные для нравственности).

Причины преступности всегда находятся в центре криминологии [Лунеев, 2020, т. 1, кн. 2, 168], в которой принято считать, что *преступность имеет не одну, а несколько причин* (далее по тексту слова «источник» и «причина» будут использоваться в качестве синонимов). Со времен СССР преобладает объективный подход, основанный на материализме, когда главные источники преступности определяются противоречиями общества (безнаказанность, недостаточный контроль над гражданами, неравенство, бедность и т. д.) [Там же, 203, 218]. Такой путь является ошибочным, поскольку нарушает логические законы (тождества, непротиворечия, достаточного основания, исключенного третьего), аксиомы логики: из данной определенной причины необходимо вытекает действие (и наоборот – если нет определенной причины, то невозможно, чтобы последовало действие); знание действия зависит от знания причины. Следовательно, «для каждой существующей вещи необходимо есть одна определенная причина, по которой она существует» [Спиноза, 2019, 9, 14-15]. Криминологи нарушают логические правила, когда указывают для преступности не одну, а несколько различных причин. Отметим, что источники преступности указываются произвольно (разные ученые называют разные причины криминальности).

Многочисленность и неопределенность источников преступности имеют вынужденный характер, поскольку *объективная* причинность не имеет достаточных оснований и запуталась в противоречиях. Традиционные криминологи не могут ограничиться одной объективной причиной преступности, так как не существует ни одного объективного источника, который имеет *универсальный и (или) абсолютный* характер. Любая объективная причина преступности порождает не все преступления (преступность целиком), но *может* порождать некоторые преступления (отдельные виды преступности). Отметим *вероятностный* характер наступления последствий от любой *объективной* причины, а также от совокупности таких причин. Например, в условиях неравенства, *уголовной* безнаказанности, недостаточного контроля находится все судебское сообщество, однако не все судьи совершают преступления. Объективный подход не способен назвать источники всей преступности целиком, а также не может гарантировать неизбежность наступления следствия (совершения преступления) при наличии любой *объективной* причины (или совокупности всех *объективных* причин).

Криминологи пытаются возместить отсутствие основательности каждой отдельной причины преступности (довода), используя множество причин преступности (доводов). Это нечестный способ доказывания. Недостаточные основания (причины преступности), поставленные рядом, не прибавляют достоверности и правдоподобия [Кант, 1999, 795]. Ложность объективного подхода признавала Н.Ф. Кузнецова, которая, заблуждаясь в понятии «преступность», правильно указывала на *субъективность* причин преступности [Кудрявцев, 2021, 14-15]. Абсолютно прав И. Кант: *существует только одна причина для любых преступлений – это сила врожденных аморальных склонностей человека* [Кант, 1999, 774]. Такая причинность (субъективная) обладает качествами абсолютности и универсальности, т. е. объясняет любые виды преступности и все преступления без исключения. *Все виды преступности имеют лишь одну причину (универсальную и абсолютную), которая определяется не проблемами общества, но врожденной нравственной порочностью человека*

(склонностью каждого взрослого человека к совершению преступлений). Похожие мысли высказывает М.П. Клейменов, который указывает безнравственность в качестве источника криминальности [Клейменов, 2021, 60, 68]. Известно со времен Аристотеля, что «зло происходит вследствие нравственной испорченности людей» [Аристотель, 2020, 187]. На этом мы заканчиваем рассмотрение преступности в целом и возвращаемся от общего феномена к частному случаю.

Судейская преступность – предрасположенность (закономерное свойство) каждого судьи совершать преступления (в том числе латентные) *в ходе рассмотрения дел*. Возникновение ППС происходит в 1866 г., в момент приобщения России к *цивилизованному* судопроизводству; наука активно изучает СПР до 1917 г. [Бардзкий, 1884]. В период 1917-1991 гг. запрещены любые исследования ППС, но последняя существовала, несмотря на тотальный контроль со стороны исполнительной власти (КПСС). После разрушения СССР *формально* возникает судебная власть, появляется много работ по тематике судопроизводства, однако *многочисленные* судебские преступления никто не изучает в аспекте криминологии: *по традиции* действует негласный запрет таких исследований. Сегодня в науке существует два мнения по поводу СПР, однако оба являются ошибочными. Например, А.Я. Автамонов пишет об отсутствии ППС; при этом Н.В. Романенко полагает, что СПР существует, но в форме единичных деяний [Романенко, 2017]. На самом деле, должностные обязанности и профессия не делают людей святыми [Мандевиль, 1974, 154], поэтому ППС имеет массовый характер и находит внешнее (формальное) отражение в виде преступлений, которые совершаются судьями при рассмотрении дел. В СПР не входят криминальные деяния, учиненные судьями за пределами судопроизводства, поскольку «бытовая» преступность судей не имеет отношения к главной функции судебной системы и лишена специфики, которая отличает судебскую преступность от прочих разновидностей.

Подавляющую часть судебской преступности составляет ССП, следовательно, изменяя лозунг социализма, можно утверждать: «Говорим СПР – подразумеваем ССП; говорим ССП – подразумеваем СПР». Особенности СПР, связанные с функцией судопроизводства и особым статусом судьи, требуют определить для ППС место в криминологической классификации. СПР является *самостоятельной* частью должностной, профессиональной, элитарной преступности и заслуживает отдельного рассмотрения, если мы признаем, что в РФ существуют феномены правосудия и судебной власти. Кроме того, смысл криминальности отражается в мотивации, поэтому *ППС является обособленной частью анархистско-индивидуалистической преступности* [Лунеев, 2013, т. 2, 35, 552-573].

Внешнее проявление СПР – это ложь, которая всегда имеет низменный и эгоцентричный характер, поэтому запрещена с древних времен [Библия, 2020, 729, 1366, 1427, 1437]. Судья использует не только обман участников процесса, но и самообман, поскольку индивид убежден в том, что фальсификация документа не является преступлением. Причина СПР мыслится как безнравственность судей, ведь «в суде у человека есть очевидный долг (быть правдивым), поскольку затрагивается самое святое (права людей)» [Кант, 1999, 678]. Криминологи назовут другие причины: наличие правового иммунитета (неприкосновенность), уголовная безнаказанность, недостаток контроля, нарушение принципа равноправия [Клейменов, 2021, 226]. Ключевое значение для понимания причинности любого вида преступности (в том числе ППС) имеет *личность преступника*, которая в криминологии понимается как *статичная* совокупность признаков, характеризующих преступника [Там же, 80]. Применительно к субъективным признакам такой подход является заблуждением, но может применяться к

объективным признакам (пол, возраст, образование). Слово «личность» происходит от слова «личина», т. е. «маска» (аналогичная ситуация в английском языке). Следовательно, личность в субъективном смысле – понятие чрезвычайно подвижное и неопределенное; у каждого человека есть несколько личностей (масок), которые применяются в динамике. Каждый судья меняет свои личности (маски) в течение одного дня: одна предназначена только для семейного общения, другая – только для общения в судебном заседании, третья – только для общения с судьями и т. д. Следовательно, честность является не качеством (чертой характера), но изменчивым состоянием человека [Лесли, 2012, 234-235]. ССП – явная ложь, подтверждающая лживость (безнравственность) судьи, но лживый судья будет образцом честности в общении с другим судьей. Практический интерес криминолога вызывают два вопроса. Каким образом и когда (до или после утверждения в должности судьи) люди становятся безнравственными? Какие именно криминогенные факторы создают условия для ППС? Для получения ответов необходимо рассмотреть социологический портрет судьи.

В.В. Волков и другие установили, что среднестатистический судья – это относительно молодая женщина с пожизненным судебским статусом, которая ведет однообразный и замкнутый образ жизни, пришла в судебскую профессию из аппарата суда, постоянно работает с перегрузкой, утверждена на должность без участия народа, не имеет жизненного опыта за пределами судебной системы [Волков и др., 2020, 19-21, 87-100, 117-137, 175, 194]. Нарисованный образ судьи является уникальной особенностью РФ, поскольку ничего подобного в практике СССР и зарубежных государств мы не увидим.

Рассмотрим криминогенные факторы, каждый из которых создает благоприятные условия для развития ППС. Первый фактор – *изоляция судей от общества (в том числе от семьи), замкнутость внутри судебной системы и однообразие жизни* [Клейменов, 2021, 272, 311, 394; Кудрявцев, 2021, 104, 186-187; Лунеев, 2013, т. 2, 775]. Достаточно вспомнить, что аналогичным образом выстроено общение только в профессиональном преступном мире. Главной причиной изоляции является *хроническая рабочая перегрузка судей*, что рассматривается нами как второй фактор. Например, у судьи нет времени разъяснять права для участников процесса, поэтому нередко права не разъясняются, но в ПСЗ вносится заведомо ложная информация о разъяснении прав. Другой причиной изоляции судей является *внутренняя зависимость судей от требований судебной системы*, что является третьим фактором. Судья принимает решение, ориентируясь на мнение председателя суда и судьи вышестоящего суда (куратора), поэтому закон и внутренние убеждения уходят на дальний план. Кроме того, судебная система настойчиво требует от судей ограничивать свой круг общения.

Женский пол и молодость судей – четвертый фактор. Большинство судей должно быть представлено немолодыми мужчинами – это норма для всех государств, кроме РФ [Аристотель, 2020, 171, 469; Платон, 2020, 811, 843-844]. Пятый фактор – это *получение судебского статуса преимущественно сотрудниками аппарата суда*. Разрушение нравственности судьи происходит на этапе работы секретарем и помощником. Указанный период длится более 10 лет, в течение которых кандидат в судьи живет в унижении и нищете по причине мизерного размера зарплаты. Все это время претендент работает с колоссальной перегрузкой, практически без выходных, составляет не только ПСЗ, но и судебные акты. Секретарь и помощник получают опыт фальсификации документов, усваивают безнаказанность тайных практик, которые запрещены законом, но разрешены судебским сообществом. Именно в аппарате формируется *послушание и предсказуемость судьи* – шестой фактор. Секретарь и помощник работают только потому, что желают в будущем стать судьей (*мотивы карьеризма и корысти*). Если запретить

работникам аппарата занимать должность судьи (как это принято за рубежом), то все секретари и помощники уволятся по своему желанию. Если понизить доход судьи до среднестатистической зарплаты (как было в СССР), то в суде не останется ни секретарей, ни судей.

Седьмой фактор – *отсутствие жизненного опыта за пределами судебной системы*, т. е. траектория жизни «школа – вуз – секретарь – судья». Судья не имеет опыта работы вне суда, контакты (общение) за пределами судебной системы прекращаются в момент трудоустройства в качестве секретаря. В результате формируется примитивное (ограниченное) мировоззрение, легко происходит профессиональная деформация нравственности. Общество ничего не знает о моральных качествах кандидатов: отбор судей *фактически* проводится не квалификационной коллегией судей, но председателем суда, по единоличному усмотрению. Восьмой фактор – *несменяемость судебной власти*, т. е. бессрочные судебские полномочия. Из-за выгод, связанных с нахождением у власти, все желают непрерывно обладать ею, однако продолжительное властвование провоцирует преступность [Аристотель, 2020, 247, 365, 400]. Девятый фактор – это *стремление обладать государственной властью само по себе*, т. е. желание человека стать судьей доказывает нравственный порок. В криминологии ошибочно игнорируется, что «хорошие люди не соглашаются управлять – ни за деньги, ни ради почета. Если бы государство состояло из одних только хороших людей, все оспаривали друг у друга возможность устраниваться от правления, как теперь оспаривают власть» [Мандевиль, 1974, 94, 254; Платон, 2020, 764]. Государственная власть, «как сильнейший магнит, притягивает к себе людей корыстных, циничных, лицемерных, бессовестных» [Лунеев, 2013, т. 2, 497].

Перечень криминогенных факторов можно продолжить (склонность всех людей презирать низестоящих индивидов [Мандевиль, 1974, 171], образованность и атеизм [Там же, 243, 248, 277], правовой иммунитет, порочные традиции судебских практик советского периода, колоссальные дискреционные полномочия, чрезмерное усмотрение и др.). Впрочем, и так понятно, что условий для развития преступности в судебской деятельности значительно больше, чем в других сферах жизни. Ничего подобного мы не встретим в других государствах, а также в истории СССР; это новая язва постсоветского периода, когда из ложно понятого блага (независимость судей) получили истинное зло (ППС) [Аристотель, 2020, 320]. Криминологические прогнозы ППС (краткосрочный и среднесрочный) являются пессимистическими в силу колоссальной инерции политического механизма [Бекариа, 1995, 147]; судебская преступность превратилась в традицию, которую нельзя изменить в условиях несменяемости верховной власти. Ранее высказывалась мысль о неизбежности и полезности преступности (безнравственности). Такой вывод распространяется на СПР с двумя оговорками. Во-первых, мы никогда не сможем искоренить ППС и безнравственность судей, однако обязаны свести такую преступность к минимуму, поскольку преступность высших сословий значительно опаснее прочих видов криминальности [Бекариа, 1995, 94, 145; Библия, 2020, 1265]. «Писаная реальность» [Лунеев, 2013, т. 2, 648] в сфере СПР прекрасна, однако фактическая ситуация значительно хуже. Во-вторых, полезность ППС заключается: а) в проверке эффективности механизма уголовной юстиции; б) в уяснении приоритетов *реальной* уголовной политики; в) в проверке способности государственной власти к *открытому* самоочищению; г) в уяснении сущности государства, ибо «судьи являются душой государства» [Аристотель, 2020, 296].

Если государству необходима власть, которая не подчинена закону, то это связано со слабостью устройства государства [Бекариа, 1995, 103], так как в благополучном государстве преступления не могут оставаться без наказания [Там же, 122]. В постсоветский период

полномочия судей прекращаются в качестве наказания значительно чаще, чем в СССР и других государствах [Волков и др., 2020, 237]. Такая ситуация всегда имеет чрезвычайный характер и подтверждает распространенность и существенность судейской безнравственности. Единственным основанием для прекращения полномочий является моральная деградация, поскольку работоспособность, управляемость и юридические навыки судьи тщательно проверяются в период работы в аппарате суда. Отстранение судей от должности преимущественно происходит непублично, в порядке дисциплинарной ответственности, которая фактически заменяет игнорируемую уголовную ответственность. Нет ничего тайного, что не станет явным [Библия, 2020, 1227, 1257, 1264], поэтому государство не может скрыть судейскую преступность (безнравственность), однако лицемерно превращает преступления судей в дисциплинарные нарушения.

Заключение

Выводы по итогам исследования можно разделить на две части, *первая часть – особенная, которая относится только к ППС*. Фальсификация судейских документов квалифицируется *по аналогии уголовного закона* как служебный подлог (ст. 292 УК РФ). Указанное деяние определяет облик СПР. Уголовная юстиция удивительно пассивна в сфере ППС: государство игнорирует судейские преступления (даже регистрация письменных заявлений зачастую невозможна), т. е. уголовная политика покровительствует избранным сословиям. В этом нет ничего нового, поскольку после смерти И. Сталина возникла традиция скрывать преступления, совершенные высшими должностными лицами. «Трудно найти людей, отличающихся высокими нравственными качествами» (Аристотель), поэтому невозможно отыскать 30 тысяч моральных судей, так как отбор судей происходит только из юристов, *работающих в аппарате судов*. Судья обязан обладать высокими нравственными качествами; это важнее, чем лояльность к государству, юридические навыки, послушание, предсказуемость и работоспособность. В судейскую профессию многие приходят морально испорченными; завершают нравственную деформацию судей стандартные пороки: безнаказанная ложь, лесть, тщеславие. Обязательные обращения к суду («уважаемый суд», «ваша честь») избыточны (необоснованны), возвеличивают и развращают судей. Эти фразы являются лицемерием и раболепием, поскольку россияне (в большинстве своем) не доверяют судьям, следовательно, не могут их уважать. С точки зрения криминологии необходимо продолжить изучение ППС – массового и неисследованного феномена. Недопустимо, чтобы «неправовое становилось правом лишь потому, что оно долгое время было дозволено» (И. Кант). С точки зрения практики нужно отказаться от лицемерия и признать кризис в сфере судопроизводства. Если нельзя изменить порочную политику в области отбора судей, тогда необходимо усилить контроль над судейским сообществом: страна не должна доверять судейской честности. Именно ложь является *общим* знаменателем для всех людей, преступлений и видов преступности, что позволяет нам перейти к *общей части выводов*.

Преступность приобретает цельный и системный характер, если мы признаем наличие у нее всего одной причины (врожденная и неисправимая порочность человека). Каждый из нас *фактически* является преступником, поскольку мы постоянно обманываем себя и других. Ложь чаще всего остается без наказания, поскольку обман необходим для человека и общества. Если люди откажутся от обмана, то психика каждого человека не выдержит (лицемерие позволяет нам выживать в жестокой реальности). Другим следствием всеобщей моральности будет

разрушение общества, которое нуждается в аффектах. Найти разумный баланс между нравственностью (интерес общества, но не индивида) и преступной природой каждого человека должна *этика*. Указанная наука ошибочно смешивается с нравственностью и моралью (Кодекс судейской этики), однако обязана быть учением о нравственности. *Нравственность – самое важное среди понятий человека; моральность – главный закон для всех разумных существ*, следовательно, этика должна стать самой главной наукой (царицей общественных наук). Время для этого пока не наступило, поскольку истины утверждаются медленно, в ходе развития познания. Хочется верить в лучшее – в то, что наши потомки будут с удивлением узнавать о том, что в первой половине XXI в. существовали парадоксы: массовая судейская преступность, а также криминология, игнорирующая философию и ее составную часть – этику.

Библиография

1. Аристотель. Политика. М.: РИПОЛ классик, 2020. 528 с.
2. Бардзкий А.Э. Об ответственности должностных лиц судебного ведомства за преступления и проступки по службе. Тула, 1884. 453 с.
3. Бекариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс, 1995. 304 с.
4. Библия. М.: Сибирская Благовонница, 2020. 1488 с.
5. Волков В.В. и др. Российские судьи: социологическое исследование профессии. М.: Норма, 2020. 272 с.
6. Иеринг Р. Историко-общественные основы этики. СПб., 1896. 32 с.
7. Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. 1472 с.
8. Клейменов М.П. Криминология. М.: Норма, 2021. 400 с.
9. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М.: Норма, 2021. 240 с.
10. Лесли И. Прирожденные лжецы. Мы не можем жить без обмана. М.: РИПОЛ классик, 2012. 352 с.
11. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. М.: Юрайт, 2020. Т. 1. Кн. 2. 302 с.
12. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. М.: Юрайт, 2013. Т. 2. 872 с.
13. Мандевиль Б. Басня о пчелах. М.: Мысль, 1974. 376 с.
14. Митрофанов А.П. Служебный подлог, совершаемый российскими судьями // Право и практика. 2020. № 4. С. 159-164.
15. О неотложных мерах по реализации Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994-1995 годы: указ Президента РФ от 24.05.1994 № 1016. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=228147#VYJg6oSsK2Fv3Z57>
16. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2020. 1311 с.
17. Романенко Н.В. Судейская преступность в современной России: миф или реальность? // Мировой судья. 2017. № 7. С. 21-26.
18. Спиноза Б. Этика. М.: АСТ, 2019. 352 с.
19. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.05.1996: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.06.1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

Crime: the cause, essence, provoking factors

Andrei P. Mitrofanov

Postgraduate at the Department of criminal law and criminology,
Altai State University,
656049, 61 Lenina ave., Barnaul, Russian Federation;
e-mail: apm.73@yandex.ru

Abstract

The article examines the basic concepts of traditional criminology within the framework of the interdisciplinary approach. The falsity of the generally accepted terms "crime" and "causes of crime" is confirmed with the help of other sciences: philosophy, sociology, biology, anthropology, history. The article presents the results of field criminological studies conducted by the author. It compares the initial provisions of criminology and the corresponding social relations in real life, reveals a number of contradictions between theory and practice, and carries out an analysis of the reasons for these contradictions. The author of the article comes to the conclusion that there is a discrepancy between criminological views, which are borrowed from the Soviet era, and real social relations. The article makes an attempt to clarify the concepts used by the science of crime and deals with criminogenic factors unknown to criminologists. The author points out that crime acquires an integral and systemic character if we recognize that it has only one cause (an individual's innate and incorrigible depravity). Each of us is actually a criminal, because we constantly deceive ourselves and others. Lying most often remains unpunished, since deception is necessary for a person and society. If people refuse to cheat, then their psyche will not stand (hypocrisy allows us to survive in a cruel reality).

For citation

Mitrofanov A.P. (2021) *Prestupnost': prichina, sushchnost', provotsiruyushchie faktory* [Crime: the cause, essence, provoking factors]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (9A), pp. 231-243. DOI: 10.34670/AR.2021.44.53.029

Keywords

Crime, criminal policy, justice, judicial proceedings, criminal ideology.

References

1. Aristotle (2020) *Politika* [Politics]. Moscow: RIPOL klassik Publ.
2. Bardzkii A.E. (1884) *Ob otvetstvennosti dolzhnostnykh lits sudebnogo vedomstva za prestupleniya i prostupki po sluzhbe* [On the liability of officials of the judicial department for crimes and misconduct at work]. Tula.
3. Beccaria C. (1764) *Dei delitti e delle pene*. (Russ. ed.: Beccaria C. (1995) *O prestupleniyakh i nakazaniyakh*. Moscow: Stels Publ.)
4. *Bibliya* [The Bible] (2020). Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ.
5. Ihering R. (1896) *Istoriko-obshchestvennye osnovy etiki* [Historical and social foundations of ethics]. St. Petersburg.
6. Kant I. (1785) *Die Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. (Russ. ed.: Kant I. (1999) *Osnovy metafiziki nravstvennosti*. Moscow: Mysl' Publ.)
7. Kleimenov M.P. (2021) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Norma Publ.
8. Kudryavtsev V.N. (2021) *Prestupnost' i nray perekhodnogo obshchestva* [Crime and the mores of a transitional society]. Moscow: Norma Publ.
9. Leslie I. (2011) *Born liars: why we can't live without deceit*. Quercus Books. (Russ. ed.: Leslie I. (2012) *Prirozhdennye lzhetsy. My ne mozhem zhit' bez obmana*. Moscow: RIPOL klassik Publ.)
10. Luneev V.V. (2020) *Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii: v 2 t.* [A course in world and Russian criminology: in 2 vols.], Vol. 1-2. Moscow: Yurait Publ.
11. Luneev V.V. (2013) *Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii: v 2 t.* [A course in world and Russian criminology: in 2 vols.], Vol. 2. Moscow: Yurait Publ.
12. Mandeville B. (1924) *The fable of the bees*. (Russ. ed.: Mandeville B. (1974) *Basnya o pchelakh*. Moscow: Mysl' Publ.)
13. Mitrofanov A.P. (2020) *Sluzhebnyi podlog, sovershaemyi rossiiskimi sud'yami* [Official forgery committed by Russian judges]. *Pravo i praktika* [Law and practice], 4, pp. 159-164.
14. *O neotlozhnykh merakh po realizatsii Federal'noi programmy Rossiiskoi Federatsii po usileniyu bor'by s prestupnost'yu na 1994-1995 gody: ukaz Prezidenta RF ot 24.05.1994 № 1016* [On urgent measures aimed at implementing the Federal program of the Russian Federation for strengthening the fight against crime for 1994-1995: Decree of the President of the Russian Federation No. 1016 of May 24, 1994]. Available at:

- <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=228147#VYJg6oSsK2Fv3Z57> [Accessed 25/07/21].
15. Plato (2020) *Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome* [Complete works in one volume]. Moscow: AL"FA-KNIGA Publ.
 16. Romanenko N.V. (2017) Sudeiskaya prestupnost' v sovremennoi Rossii: mif ili real'nost'? [Judicial crime in modern Russia: myth or reality?] *Mirovoi sud'ya* [Magistrate judge], 7, pp. 21-26.
 17. Spinoza B. (1677) *Ethica, ordine geometrico demonstrata*. (Russ. ed.: Spinoza B. (2019) *Etika*. Moscow: AST Publ.)
 18. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24.05.1996: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.06.1996* [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ [Accessed 25/07/21].
 19. Volkov V.V. et al. (2020) *Rossiiskie sud'i: sotsiologicheskoe issledovanie professii* [Russian judges: a sociological study of the profession]. Moscow: Norma Publ.